

Лэнгли прокусил губу до крови, его глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит от напряжения, но он упрямо продолжал молчать, стиснув зубы.

Если бы другие полицейские не проводили тщательный осмотр, Орвицка мог бы подумать, что у этого ублюдка просто нет языка.

Орвицка медленно встал, обошел стол с другой стороны и небрежно присел на его край. Подавив рвотный позыв, он изобразил на лице хищный интерес и цепко схватил Лэнгли за подбородок, заставляя поднять голову:

- А ты действительно довольно красив, - протянул он задумчиво, - хотя и не то чтобы нечто выдающееся. Однако... если подумать о том, что ты натворил, я вдруг испытываю к тебе жгучий, почти непреодолимый интерес. Зачем отдавать тебя на растерзание этим старым извращенцам? Для тебя ведь старики уже не могут предложить ничего нового, ничего волнующего, верно?

Ты научился использовать все эти штучки у них? Потому что большинство из них уже давно ни на что не годны и им нравится забавляться с тобой с помощью инструментов? Но я совсем другой. Я могу запросто вывихнуть тебе челюсть. Впрочем, тебе этот твой рот все равно не особо и нужен...

Лэнгли отчаянно попытался отдернуть голову, но пальцы Орвицки впились в его подбородок с такой силой, что, казалось, могли раздробить кость. Орвицка демонстративно начал ерзать на столе, и Лэнгли услышал характерный звук - его ногти задевали пуговицы на одежде. Из-за неудобного угла обзора Лэнгли не мог видеть, что Орвицка всего лишь тербит пуговицы на собственном мундире.

- ... - Лэнгли судорожно открыл рот. Увидев хищную усмешку на лице Орвицки, он наконец издал звук - дикий, яростный рев, похожий на угрожающий рык загнанного зверя, но на самом деле это был лишь предсмертный стон затравленного животного. - Убирайся! Прочь от меня! Убирайся!

Но он не был ни могущественным представителем Рода Крови, ни сильным оборотнем, и не мог вырваться из стальных цепей или из безжалостной хватки Орвицки.

Через десять минут Лэнгли окончательно выдохся, его тело обмякло. Орвицка брезгливо отпустил его подбородок:

- Раз уж ты сам считаешь все это мучительным и унижительным, зачем ты заставлял тех, кто был слабее тебя, терпеть то же самое? Ради мести?

Лэнгли лежал с закрытыми глазами, тяжело и прерывисто дыша. Если он снова замолчит, Орвицке действительно придется прибегнуть к крайним мерам и найти в тюрьме заключенного с соответствующими садистскими наклонностями, чтобы тот "поговорил" с ним по душам. Этот метод допроса был омерзительным и жестоким, но эта жестокость вполне соответствовала чудовищным преступлениям, совершенным Лэнгли.

- Эти женщины... они обманщицы, - наконец прохрипел Лэнгли. - Может быть, не все, но подавляющее большинство - лживые твари.

- В чем же они тебя обманули? - спокойно спросил Орвицка.

- Тина! Это все она! Она соблазняла меня, клялась в любви. Она ради меня отказала всем этим знатным женихам, я поверил, что она чиста, она должна была быть чистой! Но она оказалась не такой, она была обычной шлюхой! Давно неизвестно, кому отдала свою драгоценную невинность!

"Госпожа Шуль обманула чувства Лэнгли? Нет, даже не зная эту несчастную девушку, погибшую так рано, Орвицка был абсолютно уверен, что она не была такой".

- И как же госпожа Шуль тебя соблазняла? - уточнил Орвицка, стараясь сохранять невозмутимость.

- Она улыбалась мне, так элегантно кланялась, намеренно покачивала своей грудью и шеей прямо перед моими глазами! Специально уронила платок, точно зная, что я пройду мимо и подберу его. Все это, каждый ее жест, был недвусмысленным намеком для меня!

"Это, черт возьми, типичный представитель тех подонков, которые, увидев обнаженную женскую руку, тут же представляют себе голое тело, а затем и постель", - с отвращением подумал Орвицка.

- Раз она тебя так откровенно "соблазняла", то все, что произошло между вами дальше, должно было быть совершенно естественным и логичным. Но в таком случае, почему ты вместе с кучером похитил ее? Ты ведь никак не "ответил" на ее так называемое соблазнение, не проявил никаких странных намерений. Это похищение было совершенно внезапным и спланированным. Ты ведь прекрасно понимал, что госпожа на самом деле не испытывала к тебе ни малейшего интереса, верно?

- Не... нет... это был не я! - запутался Лэнгли. - Да, не я ее похитил, мы сбежали вместе! Но мы

же договорились, договорились, что она сохранит для меня свою чистоту! Зачем, зачем она меня обманула?

- Сбежали? - Орвицка скептически приподнял бровь. - И та подземная темница, которую ты оборудовал, тоже была подготовлена для вашего романтического побега? Это, что ли, был твой идеальный дом для молодоженов? - То место, без всякого сомнения, было подготовлено им задолго до похищения первой жертвы. Если бы он действительно был невменяемым психом, неверно толкующим чужие слова и поступки, как бы он смог все так тщательно спланировать и подготовить?

- ... - Поняв, что его жалкие оправдания рассыпаются в прах, Лэнгли вперил в Орвицку взгляд, полный ядовитой ненависти. Орвицка безжалостно сорвал с него последний фиговый листок самообмана. - Да, ты прав, они меня не соблазняли, - процедил он сквозь зубы. - Потому что все они вели себя как чертовы порядочные женщины, такие сдержанные и верные, образцовые жены и матери. Именно такие женщины подходили мне, только такие имели право стать моей парой - если бы они, конечно, действительно были такими, какими казались. Но почему, скажи мне, почему все эти женщины оказались лживыми сучками?

Изначально Тина была лучшей из них, самой чистой и невинной, но именно она первой разбила мои надежды... А потом они одна за другой разочаровывали меня. О, Лина, пожалуй, была ничего, она действительно оказалась невинной девушкой, но она ни в какую меня не слушалась, целыми днями сидела с закрытыми глазами и бормотала свое "Священное Писание".

Неужели она думала, что ее бог придет и спасет ее? Неужели она всерьез верила, что этот бог существует? Она и понятия не имела, что тот самый священник, которого она так глубоко уважала, часто заставлял меня по ночам стоять на коленях перед статуей этого самого бога и безжалостно имел меня! Ха-ха-ха-ха!

Тебе не кажется, что умереть в таком юном возрасте - это на самом деле лучший конец для этих женщин? Они не успеют превратиться в таких же уродливых, бесчувственных и замученных жизнью тварей, как их матери. До самого последнего вздоха они оставались милыми, невинными девочками.

Я заставил их выплакать все слезы, которые были отпущены им в этой жизни, заставил их вкусить самое острое, самое пьянящее женское счастье. Если рай действительно существует, они могут отправиться туда с чистой совестью и чувством глубокого удовлетворения. А если существует ад, что ж, они просто отправятся туда первыми, а я совсем скоро присоединюсь к ним, чтобы мы могли и дальше вместе наслаждаться бесконечной игрой радости и страдания. Ха-ха-ха-ха-ха!

- ... - Орвицка не испытывал никаких предрассудков по отношению к его профессии. В эту суровую эпоху выживание было главной целью, и в этом не было ничего постыдного. Он часто смотрел на уличных проституток обоих полов и с содроганием думал: если бы у него не было его нынешнего высокого статуса, если бы он попал в это время в тело обычного, ничем не

примечательного человека из низов, то он... он бы, скорее всего, покончил с собой.

Потому что иногда только такой путь позволял выжить, только так можно было обеспечить себе хоть сколько-нибудь сносное существование. Потому что над головами самых обездоленных слоев населения нависал уже не призрачный стеклянный потолок, а тяжелая, свинцовая крышка гроба, которая давила на них с самого рождения и до последнего вздоха.

Склониться ради пяти доу риса? (прим. пер.: китайская идиома, означающая унижаться ради скудного пропитания) Здесь люди склонялись и унижались ради всего, чего только можно было себе представить.

Орвицка, познавший вкус истинного достоинства, не смог бы прожить долго, родившись в самых низах этого общества.

Лэнгли тоже не смог вынести этой невыносимой боли и унижения, поэтому он вымещал свою накопившуюся злобу и мстил тем, кто стоял выше его по социальному положению, но был физически слабее.

Не заслуживает ни капли сочувствия.

- Вы меня уже поймали, - Лэнгли внезапно перестал истерически хохотать, его лицо стало серьезным и почти спокойным. - Чего ты еще от меня хочешь?

Орвицка решил сказать правду, без обиняков:

- Я хочу знать, кого из жертв убили не вы с Бави.

Лэнгли посмотрел на Орвицку с плохо скрываемой злобой, его губы скривились в зловещей, хищной усмешке.

- Это единственная польза, которая от тебя еще осталась, - холодно констатировал Орвицка. - Дела, которые явно отличаются от вашего почерка, мы уже выявили и отложили в сторону. Среди оставшихся жертв, возможно, и есть те, кого убили подражатели, но их наверняка немного. Честно говоря, нам уже нет никакой нужды о чем-то тебя спрашивать. Списать всех оставшихся жертв на вас двоих - это самый разумный и удобный выбор и для полиции, и для убитых горем семей погибших.

Мы сможем быстро закрыть это громкое дело, перебросив освободившиеся силы и ресурсы на расследование других преступлений. Семьи жертв наконец-то смогут обрести хоть какой-то покой, помолиться за души своих близких и попытаться начать новую жизнь. Этот допрос - наша самая последняя попытка докопаться до истины. Если ты так и не решишься заговорить, на этом все и закончится.

Кстати, Бави в соседней комнате тоже дает показания. Мы потом самым тщательным образом сверим ваши слова.

Лэнгли закатил глаза, явно обдумывая, как ему лучше поступить в этой ситуации.

Пойманные серийные убийцы обычно делятся на два основных типа. Одни начинают безудержно сознаваться во всех смертных грехах, приписывая себе всевозможных жертв, часть из которых они просто выдумывают на ходу. Таким образом они либо хвастаются своей мнимой силой и неуловимостью, либо добиваются сомнительной славы, либо просто пытаются оттянуть неизбежное исполнение смертного приговора.

Другие же до самого конца упорно молчат о своих жертвах. Они могут покончить с собой в камере или умереть от старости в тюрьме, но никому и никогда не назовут имен всех своих жертв. Возможно, потому что считают, что таким образом жертвы навсегда остаются их собственностью, а их несчастные близкие никогда не смогут забрать их обратно, даже мертвыми.

Из выводов Орвицки, сделанных на основе реальных криминальных случаев, увиденных на одном захудалом видеохостинге.

Лэнгли, судя по всему, принадлежал ко второму типу. Даже тот факт, что он выбрасывал тела своих жертв в легкодоступных и заметных местах, сейчас казался скорее дерзким и хвастливым заявлением: "Смотрите все! Теперь они полностью принадлежат мне, и вы ничего не можете с этим поделать!"

Он не испытывал никакой неприязни к тем убийцам, которые использовали его громкое имя для прикрытия своих собственных грязных преступлений. Наоборот, он, возможно, даже радовался этому, потому что подсознательно считал всех этих несчастных женщин своими личными трофеями.

- Ты хоть знаешь, каких именно женщин убивали те ублюдки, которые использовали твое имя? -

продолжал давить Орвицка. - Среди них были обычные уличные проститутки, служанки, ставшие любовницами своих хозяев, содержанки в богатых семьях... - Орвицка не испытывал никакой враждебности и к этим женщинам. Они, вольно или невольно, совершили ошибки в своей жизни, но это вовсе не означало, что они заслуживали такой мучительной и ужасной смерти от рук подражателей.

На лице Лэнгли действительно появилось выражение неподдельного отвращения:

- Ты добился своего, - процедил он сквозь зубы. - Я скажу. Я не могу позволить этим безвкусным, вульгарным тварям испортить мою безупречную репутацию.

Орвицке отчаянно захотелось со всей силы пнуть его ногой между ног. Он показал Лэнгли только фотографии жертв, не раскрывая никакой подробной информации о них. Лэнгли сначала выразил легкое недовольство, но пробормотал лишь пару невнятных слов и все же принялся внимательно рассматривать фотографии. В результате, к уже установленным ранее жертвам подражателей добавились еще четыре несчастные женщины.

Таким образом, общее число жертв, признанных Лэнгли своими, вместе с двумя чудом спасенными женщинами составило двадцать три. В среднем он убивал одну женщину примерно каждые двенадцать дней.

Орвицка получил то, что хотел, и уже собрался уходить.

Лэнгли внезапно окликнул его:

- Эй, полицейский! Подожди. Какое... какое наказание вы примените ко мне?

Как и предполагал Орвицка, молчаливый и замкнутый Лэнгли мог долго сохранять внутреннюю твердость и непробиваемость, но стоило ему разговориться, как он тут же терял свою стойкость и начинал все больше и больше думать о последствиях.

- Думаю, судья, который будет тебя судить, тоже будет долго ломать над этим голову, - ответил Орвицка, не оборачиваясь. - Может быть, они решат довести тебя до полусмерти одним видом казни, а потом, для разнообразия, переключатся на другой? - Орвицка оставил ему напоследок злорадную, леденящую душу улыбку и вышел за дверь.

Допрос Бави тоже к этому времени закончился. Анка уже ждал Орвицку снаружи с протоколом допроса в руках.

Сверив показания обоих преступников, они обнаружили расхождения по трем жертвам. Одну женщину Лэнгли признал своей жертвой, а Бави - нет. И наоборот, трех других женщин Лэнгли не признал, а Бави утверждал, что это их рук дело.

- Ты менял фотографии местами, спрашивал Бави несколько раз подряд? - уточнил Орвицка у Анки.

- ... - Анка на мгновение замер, явно смущенный. - Нет.

- Ты ведь не сказал Бави, что мы его обманываем насчет сделки? - на всякий случай спросил Орвицка.

- Нет, нет, конечно нет! Я сейчас же пойду и спрошу его еще раз! - заверил Анка.

Хорошо, что не сказал. Значит, у них еще было время исправить ситуацию.

На этот раз Анка снова вошел к Бави, но тот внезапно заартачился. Заявил, что устал и голоден, потребовал немедленно принести ему сочный стейк с красным вином, а также принять горячую ванну, причем в комнате обязательно должны быть зажжены дорогие благовония. Он выдвинул целую кучу нелепых требований, но на фотографии даже не взглянул.

Анка растерянно стоял с фотографиями в руках, не зная, что делать дальше.

- Я только что был у Лэнгли, в соседней комнате, - вмешался Орвицка. - Именно из-за очевидных расхождений в ваших показаниях мы даем тебе этот второй шанс. На самом деле, для нас уже не так уж и важно, кто из вас был главным преступником, а кто - всего лишь пособником. - Орвицка решительно забрал фотографии из рук Анки.

Лицо Бави тут же испуганно вытянулось. Он послушно посмотрел на предложенные ему фотографии и снова опознал их.

На этот раз показания Бави и Лэнгли полностью совпали.

Бави жалобно и с заискивающей надеждой посмотрел на Орвицку:

- Я все сказал, все как есть, сушную правду. Я ведь пособник, верно? Значит, я буду жить?

- Верно, ты пособник, - подтвердил Орвицка ледяным тоном. - Поэтому ты тоже умрешь.

- ! - Бави мгновенно вытаращил глаза от ужаса и неверия. Он перевел безумный взгляд на Розенберга. - Они обманули меня! Ты видел?! Они обманули меня! Я же все им рассказал! Они демоны! Ты же видел все своими глазами! Ты же репортер! Ты должен засвидетельствовать за меня! Ты обязан!

Орвицка с силой захлопнул тяжелую дверь комнаты для допросов, оставляя за ней отчаянные вопли и проклятия Бави. Розенберг протяжно выдохнул, словно сбросив с плеч непосильную ношу:

- Это было бы смешно, если бы не было так страшно. Ужасно, но почему-то не вызывает страха. Какая-то гротескная, зловещая комедия...

Орвицка и остальные тоже постояли некоторое время молча в коридоре у комнаты для допросов. Нельзя было сказать, что дело Убийцы с лентой полностью завершено - ведь расследование преступлений подражателей еще не было закончено, - но основная, самая громкая и резонансная часть этого кошмара наконец-то подошла к своему логическому концу.

Убийца с лентой пойман. Если после этого произойдут новые подобные преступления, можно будет с абсолютной уверенностью сказать, что они никак не связаны с этими двумя чудовищами.

- Господин Джереми, не согласитесь ли вы принять частный заказ, не от газеты? - Орвицка повернулся к фотографу Розенберга. В этом мрачном и жестоком мире ему отчаянно нужно было что-то приятное, что-то светлое, чтобы немного сменить гнетущую атмосферу.

- Разумеется, - с готовностью ответил Тани. - Что именно вы хотели бы сфотографировать?

- Кое-что сугубо личное... - Орвицка осторожно оттащил Джереми в сторону и зашептал ему на ухо. Поскольку он сказал "личное", остальные, хоть и сгорали от любопытства, все же проявили должный такт и не стали подслушивать.

Едва Орвицка закончил свой тихий разговор с Джереми, как к ним подбежал взволнованный донельза Шультон:

- Приехали! Сверху приехали! Из самого Главного Управления Королевской Полиции!

Говоря это, он выглядел по-настоящему испуганным.

Главное Управление Королевской Полиции Содмана формально считалось начальством для всех без исключения королевских полицейских, но на деле королевские полицейские из обычных участков и сотрудники Главного управления жили в совершенно разных, почти не пересекающихся мирах. Полицейские из Главного управления, помимо своей узнаваемой красной формы, носили на мундирах золотые канты, даже самые рядовые патрульные.

Кроме того, обычные королевские полицейские занимались повседневной рутинной: охраняли общественный порядок в своих районах, ловили мелких грабителей и воришек, гоняли уличных торговцев и выполняли прочую малозначительную работу. Полицейские же из Главного управления расследовали только самые крупные и важные дела, иногда даже производили аресты от имени самой королевской семьи или государства.

Тот панический страх, который испытывало население перед королевской полицией, в основном исходил именно от сотрудников Главного управления. Эти ребята напоминали печально известное гестапо.

Шультон, хоть и не отличался особой физической силой, никогда не был трусом, но сейчас он был бледен как полотно и слегка дрожал от страха.

Орвицка тоже слышал о них лишь понаслышке, из рассказов других полицейских. Он поспешно вышел из зоны для допросов. В главном холле участка воцарилась гнетущая тишина. Полицейские из местного участка жались по углам, как стая напуганных кроликов. Дюжина королевских полицейских в форме с золотыми кантами вальяжно заняла весь холл. По сравнению с толстыми, неуклюжими, похожими на перезрелые тыквы фигурами большинства полицейских из участка Рыбьего Хвоста, гости из Главного управления выглядели гораздо более подтянутыми и атлетичными.

Далиан в этот самый момент как раз спускался с лестницы. Увидев Орвицку, он едва заметно покачал головой. Орвицка не был уверен, означал ли этот жест, что все в порядке и беспокоиться не о чем, или же ему следует держаться подальше и не вмешиваться в последующие события.

Орвицка внезапно почувствовал что-то неладное и резко посмотрел на входную дверь. Дверь распахнулась, и в холл вошли трое: командир, старший суперинтендант и инспектор - три высокопоставленных чиновника Главного управления с ослепительно сияющими знаками различия на мундирах.

Забившиеся в угол полицейские из участка невольно издали приглушенные возгласы удивления, похожие на деревенское аханье. Таких высоких званий они еще никогда в своей жизни не видели так близко.

Орвицка посмотрел на них на долю секунды раньше остальных, потому что почувствовал мощное давление, исходящее от представителя Рода Крови среди прибывших. Судя по расстоянию, он должен был ощутить его присутствие еще до того, как тот вошел в дверь. На самом же деле, он почувствовал это только в тот самый момент, когда тот переступил порог. Вероятно, тот намеренно позволил ему почувствовать свое давление именно в этот момент?

"Так значит, давление тоже можно сдерживать и контролировать? Хотя госпожа Натали уже многому его научила, Орвицка все же не мог не испытывать легкого раздражения от своего неведения".

Тот самый инспектор из Рода Крови тоже внимательно разглядывал Орвицку. На вид ему было лет тридцать-сорок, серо-каштановые волосы аккуратно уложены, зеленые глаза смотрели с живым интересом, под носом красовались тщательно подстриженные усы. Его взгляд был полон любопытства, но, к счастью, не враждебности.

Далиан отдал честь прибывшим высокопоставленным чинам. Только тогда остальные полицейские, включая Орвицку, сообразили, что им тоже следует последовать его примеру. Когда Далиан повел троих гостей наверх, тот инспектор внезапно обернулся и приветливо помахал Орвицке рукой:

- Патрульный Мондейл, верно? Будьте добры, пойдете с нами.

За исключением тех немногих, кто знал истинную личность Орвицки, остальные патрульные, даже если и замечали раньше его необычность, в этот момент не могли сдержать откровенно завистливых и ревнивых взглядов.

Быть узанным самим инспектором из Главного управления, да еще и получить такое вежливое персональное приглашение - это был верный, стопроцентный признак скорого повышения по службе!

Орвицка же совершенно не хотел идти. Если бы у него было хоть немного свободного времени, он бы предпочел немедленно отправиться домой. У него дома теперь было двое детей. Хотя это были довольно сообразительные дети, способные в какой-то степени позаботиться о себе, но как их официальный опекун, он все же немного беспокоился об их состоянии. За его любимым луком, имбирем и чесноком на подоконнике не ухаживали уже больше двух дней. Хотя дети и

уверяли его, что справятся, но мало ли что могло случиться? К тому же, ранее он уже поставил проращивать солод. Солод нужно было обязательно держать в полной темноте, иначе готовый солодовый сахар приобрел бы неприятный травянистый привкус...

Но у Орвицки не было права отказаться от такого "приглашения", и он, тяжело вздохнув, все же пошел следом.

Едва они скрылись из виду, как за ними тут же последовали и патрульные с золотыми кантами. Эти люди, судя по всему, были обычными людьми, не оборотнями и не вампирами. Хотя... э-э, нельзя было так быстро делать выводы. Если это были оборотни, умеющие мастерски скрывать свою ауру или находящиеся под мощной защитой своего хозяина, Орвицка действительно мог их и не почувствовать.

С полным сарказма выражением лица Орвицка в конце концов вошел в просторный кабинет начальника участка.

Седовласый господин командир, едва затворив за собой дверь, сразу же перешел к делу, без лишних предисловий:

- Дело Убийцы с лентой вы раскрыли чисто и красиво, просто блестяще. Оставшимися мелкими деталями этого дела больше не нужно обременять ваши и без того перегруженные способности, мы возьмем на себя дальнейшее расследование всех побочных линий.

- Есть, сэр! - Далиан четко отдал честь, принимая приказ вышестоящего начальства без возражений.

- !!! - Орвицка, который уже собирался притвориться незаметным грибом на стене, мгновенно вскинул голову, не веря своим ушам.

- Не волнуйтесь, заслуга в раскрытии основного дела все равно останется за вашим участком, - с обворожительной улыбкой вмешался инспектор из Рода Крови. - Просто оставшиеся дела слишком мелкие и хлопотные, лучше передать их нам, у нас больше ресурсов.

Орвицка, конечно, интересовался заслугами... хотя и не настолько, чтобы так сильно разволноваться. Причина его беспокойства была совершенно в другом - ведь теперь ему предстояло вплотную заняться расследованием дела о том самом подброшенном к их участку трупе. И именно в этот момент у них забирают все сопутствующие дела?

Хотя он слышал о методах работы Главного управления лишь понаслышке, Орвицка был абсолютно уверен, что эти высокопоставленные господа никогда и ни при каких обстоятельствах не стали бы помогать подчиненным участкам с какими-то мелкими и

незначительными делами. В смутных воспоминаниях прежнего владельца тела сохранились обрывки новостей о том, как они обычно брали на себя только самые крупные и резонансные дела - те, что имели крайне негативный общественный отклик и долгое время оставались нераскрытыми. А не такие, как сейчас, когда основная сюжетная линия уже фактически завершена, и остались лишь побочные ветви расследования, хотя рыба, пойманная на этой самой побочной линии, вполне могла оказаться гораздо крупнее основной.

Эти господа, явившиеся к ним сейчас с такой помпой, явно пришли не для того, чтобы ловить мелкую рыбешку на этих побочных линиях. Орвицка даже начал подозревать, что они прибыли сюда с прямо противоположной целью - аккуратно перекрыть все эти самые побочные линии, замести следы.

"Неужели тот подброшенный труп - это действительно дело рук его невидимого, но очень влиятельного братца?"

Его столь же невидимый отец, возможно, действительно тайно вмешался после того, как дело попало в участок Рыбьего Хвоста, избавив их от дальнейших неприятностей и нежелательного внимания сверху. Но нынешняя ситуация... не означала ли она, что он по-прежнему продолжает защищать и покрывать того непутевого брата?

Орвицка не завидовал брату, но испытывал крайнее, почти невыносимое раздражение из-за двуличных поступков отца и сына. Но он не мог отказаться, у него просто не было на это никакого права.

Орвицка заставил себя выдавить улыбку инспектору, но мощное давление, непроизвольно исходившее от него в этот момент, нельзя было обмануть. На лице инспектора из Рода Крови появилось выражение явного недоумения. Ситуация зашла в тупик, повисла напряженная тишина.

Пока Орвицка и инспектор одновременно не повернули головы к двери кабинета начальника - они оба почувствовали приближение еще одного представителя Рода Крови.

- Бам! - Тяжелая дверь распахнулась, и на пороге появилась Натали Шандор, "Наставник" Орвицки. Она тоже была одета в красную форму с золотыми кантами, а звание старшего суперинтенданта на ее плечах слепило глаза своим блеском.

Орвицка: (ОДО) "Она же вроде врач?!"

- Этим делом дальше займусь я, - Натали коротко кивнула троим прибывшим ранее мужчинам.
- Патсодо может остаться.

Седовласый командир и другой старший суперинтендант тут же встали, четко отдали честь, схватили свои шлемы, которые едва успели положить на стол, и решительно удалились из кабинета.

- Ну вот, теперь остались только свои, - Натали с удовольствием размяла плечи. - Я почувствовала твоё давление ещё снаружи, когда только подъезжала к участку. Как бы это поточнее выразиться? Это такая... радостная проблема. Я-то думала, мы с тобой встретимся снова не раньше, чем через несколько долгих лет, когда твой отец наконец соизволит тебя увидеть. Не ожидала, что сама же и накаркаю.

Кстати, те ребята действительно пришли сюда, чтобы забрать дело Убийцы с лентой... Ты ведь не успел неправильно их понять? Хотя, судя по выражению твоего лица, точно успел. Твой брат не обладает достаточным влиянием, чтобы мобилизовать королевских полицейских такого высокого ранга. Патсодо пришел сюда исключительно для того, чтобы выразить тебе свою добрую волю и расположение.

Инспектор, которого звали Патсодо (фамилия это была или имя - оставалось неизвестным), только сейчас, кажется, понял, в чем дело. Он удивленно указал пальцем на себя:

- Он что, подумал, будто я пришел сюда подтирать задницу за тем... кто бы он там ни был?

- Не совсем неправильно понял, - усмехнулась Натали. - Ты действительно пришел сюда подтирать задницу за другими, но только не за представителями Рода Крови. Тот труп к вашему участку подбросил человек, высокопоставленный инсайдер из самых верхов, надменный и самодовольный ублюдок. Ты все равно не сможешь его расследовать, не найдешь никаких улик, и никто не даст тебе нужных показаний. Это только безнадежно испортит твою репутацию, которую ты с таким трудом только что заработал на деле Убийцы с лентой. Поэтому это дело официально забирает Главное управление, а ваш участок - всего лишь невинная жертва обстоятельств, вынужденная подчиниться приказу сверху.